ВОСПОМИНАНІЯ О ГОСУДАРѢ НИКОЛАѢ ПАВЛОВИЧѢ.

Въ 1840 году, когда Его Величество покойный Государь Александръ Николаевичъ, будучи Наслѣдникомъ, изволилъ осчастливить принятіемъ командованія лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, я поступилъ на службу врачемъ въ 1-й батальонъ этого полка, помѣщающійся въ казармахъ на Большой Милліонной, непосредственно соединенныхъ съ Зимнимъ дворцомъ. На мнѣ лежала обязанность находиться на всѣхъ высочайшихъ смотрахъ, которые производились въ манежахъ дворцовомъ и находящемся при собственномъ дворцѣ великаго князя Михаила Павловича, и поэтому я нерѣдко имѣлъ счастье видѣть Государя Николая Павловича и наблюдать за движеніями его великой души. При жизни его я слышалъ о немъ отъ лицъ близко къ нему стоявшихъ и заслуживающихъ довѣрія, знавшихъ подробно его домашнюю обстановку и характеръ: лейбъ-медиковъ, камердинеровъ, непосредственной его прислуги. Все обличало въ немъ великую, рыцарскую, отзывчивую на все честное и правдивое, энергичную, любящую душу.

Въ 1843 году, во время большихъ маневровъ при отступленіи отъ Нарвы, Преображенскій полкъ находился въ арьергардѣ. День былъ очень жаркій, это происходило въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Было много отсталыхъ. Государь, встрѣтивъ одного упавшаго Преображенца, приказалъ немедленно разыскать врача и больному пустить кровь. Въ торопяхъ къ больному (это было въ лѣсу), я разорвалъ себѣ мундиръ и только что приступилъ къ оживляющимъ средствамъ, какъ прискакалъ флигель-адъютантъ ротмистръ князь Васильчиковъ (въ послѣдствіи товарищъ военнаго министра) съ вопросомъ, пустилъ ли я больному кровь. На отрицательный мой отвѣтъ князь возразилъ: «Государь приказалъ сейчасъ же пустить кровь. Какъ доложить Государю?» — «Доложите», говорю, «Государю, что я отвѣчаю за больнаго: больной приведенъ въ сознаніе безъ кровопусканія». Я далъ ему оправиться, посадилъ въ фургонъ—и въ догонку за полкомъ. Догнавъ полкъ, я выпустилъ больнаго изъ фургона, облегчивъ его отъ всякой ноши, и онъ пошелъ за фургономъ въ мундирѣ нараспашку. Замѣтивъ издали, что разбиваютъ царскій лагерь (знакъ окончанія маневра на тотъ день), и Государь, спѣшившись, пропускаетъ полки, я, чтобы не броситься въ глаза Государю въ разорванномъ мундирѣ, сѣлъ въ лазаретную карету, гдѣ и прижался въ уголъ. Но эта предосторожность не удалась: лишь только приблизился лазаретный обозъ къ мѣсту, гдѣ

стоялъ Государь, какъ слышу, что онъ зоветъ доктора. Тутъ сейчасъ же подбѣжали къ каретѣ изъ свиты и зовутъ меня: «Пожалуйте къ Государю!» Взволнованный неожиданнымъ вызовомъ и еще болѣе неисправнымъ состояніемъ своего костюма, я подошелъ къ Государю совсѣмъ растерявшись. Государь одобряющимъ тономъ спрашиваетъ: «Живъ ли больной, которому я велѣлъ тебѣ два раза пустить кровь?» «Живъ и здоровъ Ваше Величество!»—«Но ты, конечно, пускалъ ему кровь?»—«Никакъ нѣтъ, Ваше Величество!» Государь нахмурился. «Какъ же могъ ослушаться меня?»—«Ваше Величество! Въ моментъ пріѣзда князя Васильчикова я уже былъ вполнѣ убѣжденъ, что дѣло обойдется безъ кровопусканія; кровопусканіемъ же я сдѣлалъ бы солдата дѣйствительно больнымъ, требующимъ госпитальнаго лѣченія. Исполнивъ свое медицинское дѣло по совѣсти и убѣжденію, я этимъ самымъ исполнилъ волю и желаніе Вашего Величества, непрестанно заботящагося о сохраненіи здоровья солдатъ». Таковъ былъ смыслъ моего отвѣта. Государь съ милостивою, одобряющею улыбкой, потрепавъ меня по плечу, сказалъ: «спасибо, голубчикъ, что меня не послушалъ». Эпизодъ этотъ на другой день въ присутствіи всѣхъ моихъ товарищей вызвалъ благодарность корпуснаго штабъ-доктора, а 6-го числа Декабря мѣсяца Государь изволилъ меня произвести въ чинъ коллежскаго ассессора, который имѣлъ въ то время по своимъ правамъ большое значеніе и до котораго мнѣ оставалось прослужить пять лѣтъ.

Во время большихъ маневровъ покойный Государь Николай Павловичъ всегда имѣлъ ночлегъ въ первомъ батальонѣ Преображенскаго полка; поэтому мнѣ приходилось утромъ и вечеромъ рапортовать Государю о состояніи здоровья полка. Разъ утромъ, отпуская меня послѣ рапорта, Государь приказалъ мнѣ взять подъ свой надзоръ его и Наслѣдника экипажи. Полки двинулись, а въ хвостѣ ихъ Преображенскій полкъ. Около полудня, лакей при царскомъ экипажѣ спрашиваетъ меня: «не прикажите-ли подать завтракъ?» Я сначала не понялъ, въ чемъ дѣло: мнѣ показалось, что лакей думаетъ предложить мнѣ раздѣлить его завтракъ; я поблагодарилъ его вѣжливо и отказался. Чрезъ нѣсколько времени опять тоже предложеніе; на этотъ разъ я уже не безъ сердца спросилъ: «Да какой вы мнѣ предлагаете завтракъ?»—«Государь приказалъ для васъ готовить и возить завтракъ и, если вамъ угодно, ѣхать въ его экипажѣ». Такое милостивое царское вниманіе тронуло меня до слезъ. Я сѣлъ въ царскую коляску, позавтракалъ приготовленнымъ изысканно завтракомъ съ тонкими винами и тутъ имѣлъ случай разсмотрѣть знаменитую старую шинель, любимую Государеву шинель, замѣнявшую ему халатъ и одѣяло, ко-

торую, кто былъ послѣ его смерти въ его кабинетѣ, видѣлъ на скромной царской постели.

При выступленіи гвардіи въ походъ въ 1854 году я былъ уже старшимъ врачемъ въ гвардейскомъ саперномъ батальонѣ. Государь провожалъ войска въ Гатчинѣ. Провожая гвардейскій саперный батальонъ, свое любимое дѣтище, Государь напутствовалъ его своими тронувшими до слезъ отеческими наставленіями и пожеланіями. При приближеніи моемъ съ лазаретомъ, Государь подозвалъ меня и сказалъ, между прочимъ, мнѣ лично: «Благодарю тебя за службу; дай Богъ возвратиться благополучно!» и перекрестилъ меня. Меня задушили слезы.

Дòма я оставлялъ четверыхъ дѣтей-сиротъ. На станціи въ Гатчинѣ я встрѣтилъ лейбъ-медика Ф. Я. Кареля, который напомнилъ мнѣ это напутствіе Государя. Я сказалъ ему на это: «Такое милостивое вниманіе совершенно возстановляетъ упавшій мой духъ; ибо я совершенно увѣренъ, что въ случаѣ несчастія со мной Государь не оставитъ моихъ сиротъ». Государь зналъ ихъ, когда они были кадетами и при встрѣчѣ съ ними называлъ соколятами. Встрѣтясь съ Карелемъ вторично, я узналъ, что слова мои были переданы имъ Государю и произвели видимо пріятное впечатлѣніе, причемъ Государь замѣтилъ: «Я вижу, что врачи честные и вѣрные мои слуги».

Кромѣ этихъ трехъ случаевъ, прибавлю еще одинъ, которому я былъ очевидецъ.

Ко мнѣ пріѣхалъ въ Петербургъ въ первый разъ во время Рождественскихъ праздниковъ изъ Можайскаго уѣзда мужичекъ, бывшій мой крѣпостной, изъ зажиточныхъ, лѣтъ 60-ти, трезвый, съ роду не пившій вина. Не видавъ никогда Царя, онъ сталъ просить меня во что бы то ни стало найти ему случай хотя бы разъ взглянуть на него. Покойный Государь имѣлъ обыкновеніе ежедневно утромъ въ 9-мъ часу дѣлать прогулку отъ дворца по Милліонной между Манежемъ и Эрмитажемъ, чрезъ мостъ надъ зимней канавкой, по набережной, мимо казармъ Преображенскаго полка къ Невѣ и по набережной ея ко дворцу. Поставивъ мужичка на мосту надъ зимней канавкой, я приказалъ ему при приближеніи Государя снять шапку, но отнюдь не становиться на колѣни, чего Государь не любилъ; а самъ я сталъ у воротъ казармъ для наблюденія. Когда Государь показался, я крикнулъ мужичку: «Вотъ Царь идетъ!» Мужичекъ снялъ шапку, но по приближеніи Государя упалъ на колѣни, чтó меня очень встревожило. Государь подошелъ къ нему и спросилъ: «Чтò тебѣ нужно?» Мужикъ сталъ креститься и дрожащимъ, взволнованнымъ голосомъ отвѣчалъ: «Батюшка Царь! Мнѣ ничего не нужно. Я тебя никогда

не видалъ, а теперь вотъ Богъ сподобилъ увидѣть тебя, нашего Бога земнаго; теперь могу умереть спокойно!» и поклонился въ землю. Государь поднялъ его, распросилъ откуда, къ кому, зачѣмъ пріѣхалъ и прибавилъ: «Спасибо, дружокъ; приходи смотрѣть крещенскій парадъ».

Въ день Крещенья собрался спозаранку мой мужичекъ идти на парадъ. Я говорю ему, что въ зипунѣ и въ лаптяхъ не пустятъ, полиція прогонитъ и, пожалуй, заберетъ въ часть. «Нѣтъ», говоритъ, «пойду: Царь велѣлъ».

Возвратившись съ парада, я не засталъ мужичка дòма; жду его часъ, другой, нѣтъ какъ нѣтъ; начинаю тревожиться; наконецъ, въ сумеркахъ является сіяющій, подъ хмѣлькомъ, пошатываясь. Начинаю распрашивать, гдѣ былъ. «У Царя обѣдалъ».—«Какъ такъ?» И вотъ его разсказъ: «Подходя ко дворцу (съ Большой Милліонной), полиція меня задержала, гонитъ назадъ; я говорю имъ: «Мнѣ самъ Царь велѣлъ смотрѣть парадъ». Пошли справки, кончившіяся тѣмъ, что провели его къ главнымъ воротамъ дворца, а тамъ, говоритъ, какой-то генералъ, низенькій, сѣденькій, съ пѣтушьими перьями на шапкѣ, поставилъ у воротъ съ приказаніемъ не уходить, пока не велятъ. Такимъ образомъ ему удалось видѣть выходъ и возвращеніе духовной процессіи, Государя и царской фамиліи. Отъ блеска у мужичка, говорилъ онъ, въ глазахъ помутилось. Потомъ, какой-то, тоже генералъ, только помоложе, указалъ ему царскую кухню, гдѣ велѣлъ угостить хорошенько. «Ну и угостили-жъ! Чего, чего только не было на тарелочкахъ! А такъ какъ я водки не пью, стали угощать медомъ, такимъ сладкимъ, что и Боже мой! Напустился я на него, ну и шабашъ! Охмѣлѣлъ.»

По возвращеніи домой въ деревню мужичекъ долгс разсказывалъ про видѣнныя имъ чудеса и о необыкновенной милости Царя, и далеко, далеко пошла эта молва въ народѣ.

На маневрахъ покойный Государь командовалъ отрядомъ. Прошелъ слухъ, что по какому-то поводу Государь отозвался въ оскорбительныхъ выраженіяхъ о своемъ противникѣ, не упомню, о какомъ генералѣ. Случилось, что къ концу Іюля оба отряда стянулись къ Петергофу, а 1-го Августа—день перемирія—освященіе воды и знаменъ, къ которому прибыли чины обоихъ отрядовъ и многочисленная публика изъ Петербурга и окрестностей. По окончаніи церковной церемоніи Государь вышелъ къ разводу отъ кадетскихъ корпусовъ. По отданіи чести, по положенію, и скомандованіи «оправиться», Государь вышелъ на середину передъ разводомъ, скомандовалъ: «смирно! на плечо, на краулъ!» съ поднятой саблей подошелъ къ вышеупомянутому

генералу, отсалютовалъ ему, снялъ каску, поклонился въ поясъ, извинился въ прочувствованныхъ выраженіяхъ, а генералъ принялъ это съ глубокимъ вѣрноподданническимъ благоговѣніемъ. Расцѣловались. Это я лично видѣлъ и слышалъ.

Лейбъ-медикъ Арендтъ, любимый покойнымъ Государемъ и популярнѣйшій изъ врачей, при которомъ я состоялъ асистентомъ, въ числѣ многихъ случаевъ великодушія Государя, разсказывалъ слѣдующій. Онъ былъ приглашенъ къ одному трудно-больному, отставному полковнику, жившему въ одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго острова, гдѣ онъ былъ пораженъ бѣдной обстановкой больнаго и его большой семьи, и такъ какъ это обстоятельство служило неодолимымъ препятствіемъ къ возстановленію здоровья больнаго, то Арендтъ полюбопытствовалъ узнать причины такого положенія. Семья разсказала, что болѣзнь и бѣдственное положеніе произошли вслѣдствіе увольненія больнаго отъ службы безъ всякихъ правъ. Лейбъ-медики обязаны были ежедневно являться къ Государю къ 7—8 часамъ утра, когда приготовляется чай или кофе, и въ это время обыкновенно завязывался не служебный, а простой разговоръ. Въ одно изъ такихъ посѣщеній Арендтъ разсказалъ о положеніи больнаго и его семьи. Государь принялъ это близко къ сердцу, приказалъ Арендту во что бы то ни стало вылечить больнаго на его счетъ, помочь деньгами и вскорѣ потомъ, разсмотрѣвъ причины увольненія въ отставку и найдя его невиннымъ, или просто помиловавъ, не помню, возвратилъ ему всѣ права и назначилъ крупную пенсію, возстановившую благосостояніе семьи и здоровье больнаго.

Носился разсказъ въ Петербургѣ, что на Николаевскомъ мосту Государь встрѣтилъ покойника, котораго везъ ломовой извощикъ, и не было ни души провожатыхъ. Государь сошелъ съ экипажа, прошелъ за гробомъ по Васильевскому острову, а когда тѣмъ временемъ собралась толпа народу, перекрестился и уѣхалъ, предоставивъ толпѣ провожать покойнаго.

Въ моей замѣткѣ нѣтъ лести. Да и къ чему она теперь? Государя давно нѣтъ, мнѣ 73 года, я уже помышляю о гробѣ; слышанное же, видѣнное и испытанное мною сообщаю по долгу совѣсти. Будущему историку покойнаго Государя много придется собрать фактовъ величія его, передъ которыми стушуются тѣни... Вѣчная ему память!

Врачъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Иванъ Соколовъ.**

Москва, 2 Декабря 1885.